

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра русской и зарубежной литературы

Трансформация образа революции в творчестве В. И. Иванова

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

Студентки 4 курса 411 группы
направления 45.03.01 – Филология
Института филологии и журналистики

Гладских Алины Дмитриевны

Научный руководитель
профессор, д.ф.н., доцент

И. Ю. Иванюшина

Зав. кафедрой

И.о. зав. кафедрой, д.ф.н., доцент

А. А. Гапоненков

Саратов 2026

ВВЕДЕНИЕ

В. И. Иванов известен прежде всего как поэт-символист, философ, знаток античной мифологии. Его жизнь пришлась на бурную эпоху: он пережил первую русскую революцию 1905 года, Февральскую и Октябрьскую революции 1917 года. Эти события наложили отпечаток на его творчество, были отрефлексированы им как в поэзии, так и в публицистике. Однако до сих пор не существует исследования, посвящённого целостному осмыслению поэтом революции. Без реконструкции позиции В. И. Иванова картина восприятия этого феномена русской интеллигенцией Серебряного века остаётся неполной. Настоящая работа призвана восполнить этот пробел, сопоставив публицистическую и поэтическую рефлексии автора. Этим обусловлена её **актуальность**.

Анализ философских и исторических источников показал, что понятие «революция» прошло долгую трансформацию: от античного значения циклического возвращения к исходной точке (Аристотель¹) до новоевропейского понимания как линейного, необратимого разрыва с прошлым, создающего «новый мир». Русские религиозные философы (Н. А. Бердяев², С. Н. Булгаков³, С. Л. Франк⁴, Л. П. Карсавин⁵) осмыслили революцию прежде всего как духовный кризис, а не политический переворот.

Изучение творчества В. И. Иванова имеет давнюю традицию. Ключевые труды принадлежат С. С. Аверинцеву⁶ (интеллектуальная биография поэта),

¹ Аристотель. Политика. Афинская полития / Аристотель ; пер. с древнегреч. С. А. Жебелёва и др. М. : Мысль, 1997. 460 с.

² Бердяев, Н. А. Духи русской революции / Н. А. Бердяев // Из глубины: сб. ст. о русской революции. Париж : YMCA-Press, 1967. 336 с.

³ Булгаков, С. Н. Героизм и подвижничество / С. Н. Булгаков // Вехи: сб. ст. о русской интеллигенции. М. : РИПОЛ классик, 2017. 332 с.

⁴ Франк, С. Л. Из размышлений о русской революции / С. Л. Франк // Новый мир. 1990. № 4. С. 207–226.

⁵ Карсавин, Л. П. Восток, Запад и русская идея / Л. П. Карсавин. СПб. : ACADEMIA, 1922. 125 с.

⁶ Аверинцев, С. С. «Скворешниц вольных граждан...» / С. С. Аверинцев. СПб. : Алетейя, 2002. 167 с.

А. А. Асоян⁷ и Т. А. Терновой⁸ (анализ публицистики), С. Н. Доценко⁹ и И. И. Тюриной¹⁰ (исследование поэтических циклов «Година гнева» и «Песни смутного времени»), Н. В. Котрелёву¹¹ (история создания стихотворений 1917 года). Однако эти работы рассматривают либо публицистику, либо поэзию, но не сопоставляют их, кроме того, не учитывается эволюции взглядов В. И. Иванова на революцию. Целостного исследования, которое бы объединило эти аспекты, до сих пор не существует.

Цель работы – исследовать взгляды В. И. Иванова на революцию, нашедшие отражение в его публицистике и поэзии. Для этого необходимо решить следующие **задачи**:

- проследить эволюцию взглядов В. И. Иванова на революцию в его публицистических статьях;
- проанализировать особенности образа революции в его поэзии;
- сравнить публицистическое и поэтическое осмысление феномена революции.

Материалом исследования послужили публицистические и поэтические тексты В. И. Иванова 1891–1919 гг.: статьи разных лет («О весёлом ремесле и умном веселии» (1907), «Кризис индивидуализма» (1909),

⁷ Асоян, А. А. Вячеслав Иванов – публицист / А. А. Асоян // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия : История, филология. 2015. Т. 14, вып. 6 : Журналистика. С. 26–34.

⁸ Тернова, Т. А. Публицистический цикл Вячеслава Иванова о революции и первой мировой войне / Т. А. Тернова // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного ун-та. 2017. Т. 25 : Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация, вып. 2. С. 29–33.

⁹ Доценко, С. Н. Проблема историзма в цикле Вяч. Иванова «Година гнева» / С. Н. Доценко // Блоковский сборник VIII. Ал. Блок и революция 1905 года. Тарту : Тартуский гос. ун-т., 1988. С. 78–88.

¹⁰ Тюрина, И. И. Мифологизация исторических событий в циклах Вяч. Иванова «Година гнева» и «Песни смутного времени» / И. И. Тюрина // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 7 : Версии истории в литературе XX века. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2005. С. 5–19.

¹¹ Котрелёв, Н. В. Вячеслав Иванов и революция 1917 года : лекция, прочитанная 8 декабря 2017 г. в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете / Н. В. Котрелёв. [Электронный ресурс] : [сайт]. URL : https://pstgu.ru/faculties/historical/science/projects/medievistika/konferentsii-gostevye-lektsii-prezentatsii/main/sostoyalas_lektsiya_o_vyacheslave_ivanove_i_ego_otnoshenii_k_revolutsii/ (дата обращения : 20.04.2025). Загл. с экрана. Яз. рус.

«О русской идее» (1909), «Байронизм как событие в жизни русского духа» (1916), «Старая или новая вера?» (1917), «Революция и народное самоопределение» (1917), «Скрябин и дух революции» (1917), «Макиавеллизм и мазохизм» (1917), «Кручи (Кризис гуманизма)» (1919)), дневниковые записи 1906–1909 гг., поэтические циклы «Парижские эпиграммы» (1891), «Година гнева» (1904–1905), «Молитвы» (1917), «Песни смутного времени» (1917–1918), а также отдельные стихотворения («Жертва» (1906), «Псалом солнечный» из цикла «Солнце-сердце» (1905–1907), «Тихая жатва» (1914), «Вперед, народ свободный» (1917), «В смутную годину» (1917), «Лазарь» (1918), «Порочный круг» (1918), «Г. И. Чулкову» (1919)).

Структура работы включает: введение, две главы, разделенные на параграфы, заключение и список использованных источников.

Во введении обосновывается актуальность исследования, формулируются его цель и задачи, определяются материал и структура, даётся обзор историографии. Первая глава посвящена публицистической рефлексии В. И. Иванова и построена по проблемно-тематическому принципу. Вторая глава организована хронологически, что позволяет проследить динамику поэтического восприятия революции. В заключении подводятся итоги, сопоставляются публицистическое и поэтическое осмысление революции, делаются общие выводы.

ГЛАВА I. ФЕНОМЕН РЕВОЛЮЦИИ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ В. И. ИВАНОВА

В первой главе на материале статей 1907–1919 гг., дневников и писем прослежена эволюция взглядов В. И. Иванова от морального неприятия насилия к религиозно-философскому осмыслению революции как метафизической катастрофы.

В начале главы мы рассматриваем истоки отношения В. И. Иванова к революции, как формировалось первоначальное отношение писателя к коренному перевороту. Материалом послужили «Автобиографическое

письмо» (1917), дневниковые записи, а также автобиографическая поэма «Младенчество». Задача состояла в том, чтобы выявить те моральные установки, которые впоследствии определили его неприятие террора и критическое отношение к революционному насилию.

Анализ показал, что истоком отношения В.И. Иванова к революции стало воспитание матерью, которая гордилась отменой крепостного права в день её рождения и передала сыну положительный образ императора Александра II как царя-освободителя. Этот личный, эмоционально окрашенный опыт вступил в противоречие с гимназической модой на революционность, когда слово «революционер» воспринималось как синоним понятию «порядочный человек». Давление среды не сделало В.И. Иванова революционером. В «Автобиографическом письме» он прямо признаётся, что главный вопрос, мучивший его, – «вопрос об оправдании терроризма» – получил «определённо отрицательное»¹² (Т.1., С.9.) решение. Вместе с тем он не отказался от радикальных идей полностью: это проявилось в выборе специальности (предпочтение истории филологии), что мы интерпретируем как косвенное влияние революционной атмосферы в образовательной среде. Таким образом, в первом параграфе была установлена моральная основа, на которой в дальнейшем строилась публицистическая рефлексия В. И. Иванова о революции.

В параграфе 1.2 рассматривается отношение В. И. Иванова к революции в искусстве. Материалом послужили статьи «О весёлом ремесле и умном веселии» (1907), «Скрябин и дух революции» (1917). Анализ показал, что, отвергая политическое насилие, В. И. Иванов признавал за революцией мощный эстетический потенциал. Он утверждал, что истинная революция совершается «в самых глубинах сознания» (Т.3, С.65) и способна обновлять искусство, разрушая отжившие формы. Образцом такого революционного

¹² Иванов, В. И. Собр. соч. : в 4 т. / В. И. Иванов. Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1971-1978. С. 9. В дальнейшем все произведения В. И. Иванова приводятся по данному источнику с указанием тома и страницы в тексте работы.

творчества для него стало новаторство А. Н. Скрябина, в музыке которого он слышал «хаос» как источник преображения.

Далее мы анализируем, как В. И. Иванов осмыслял политическую природу революции. Материалом послужили статьи «Кризис индивидуализма» (1909), «О русской идее» (1909), «Байронизм как событие в жизни русского духа» (1916), «Революция и народное самоопределение» (1917), «Макиавеллизм и мазохизм» (1917). Задача состояла в том, чтобы выявить эволюцию взглядов писателя от признания объективных предпосылок революции до категорического неприятия конкретных политических форм. В. И. Иванов воспринял революцию 1905 года как бессильную попытку самоопределиться. Ключевую проблему современной России он видит в неготовности сделать выбор между мирским владычеством («сесть на Зверя» (Т.3., С.323.)) и религиозным смирением («понести лёгкое иго Христова» (Т.3., С.323)). По мнению писателя, эта нерешительность является причиной поражения революции 1905 года.

В 1916 году В. И. Иванов предупреждает об опасности формальной свободы (свободы не стало, когда её сделали законом). После Февраля 1917 года он констатирует формальный характер преобразований. После Октября – ставит под сомнение применимость в России принципа «диктатуры пролетариата».

Таким образом, нами прослежена эволюция взглядов В. И. Иванова от анализа предпосылок революции к критике её религиозно-философских оснований.

Затем мы исследовали непубличное отношение В. И. Иванова к революции, зафиксированное в дневниковых записях 1906–1909 годов. Задача состояла в том, чтобы понять, как он оценивал психологические последствия революции для людей своего круга.

После поражения 1905 года В. И. Иванов фиксирует глубокий экзистенциальный кризис русской интеллигенции. Ключевой эпизод – беседа с Г. И. Чулковым, признавшимся, что с революцией умер и он сам. В. И.

Иванов видит выход не в новой революции, а в вере в Бога, упорядоченности жизни и «простом благонравии». В 1909 году он переносил надежду из политической сферы в религиозную.

В параграфе 1.5. «Народ и интеллигенция» мы анализируем, как В. И. Иванов оценивал взаимоотношения двух ключевых сил русской революции – образованного слоя и народа. Материалом послужили статьи «О русской идее» (1909) и «Революция и народное самоопределение» (1917). Писатель возлагает на интеллигенцию вину за навязывание народу чуждых, безрелигиозных ценностей. Именно она учила народ ненавидеть «старую» Россию и любить «новую», ею же придуманную, игнорируя тот факт, что «для русского человека истинные ценности суть ценности единственно религиозные» (Т.3., С.321.). В. И. Иванов признаёт искреннее стремление интеллигенции к народу, но одновременно понимает, что внедрение безрелигиозных идеалов обрекает революционные призывы на непонимание.

В разделе «Революция как религиозная катастрофа» мы выявили главную причину неприятия В. И. Ивановым русской революции – её безбожие. Материалом послужили статьи «Старая или новая вера?» (1917), «Легион и соборность» (1916), письмо к Дю Босу (1930). Анализ показал, что В. И. Иванов не мог принять объявление религии частным делом, поскольку вера была для него главным объединяющим началом. Россия после 1917 года предстаёт в его публицистике «уродливым двойником». Преодоление хаоса, по мысли писателя, возможно только через веру и соборность – духовное единство, в котором личность не подавляется, а раскрывается. В письме к Дю Босу В. И. Иванов прямо заявляет: революция поставила вопрос «Ты с нами или с Богом?» (Т.3., С.427.) – и он выбрал Бога. Окончательное неприятие революции определялось для философа не её социальными последствиями, а именно её безбожной сущностью.

В завершении нашего анализа публицистики, мы уделили внимание характерному для В. И. Иванова-публициста приёму – включение в прозаический текст собственных стихотворений. Задача состояла в том, чтобы

определить функции этого приёма и понять, как он влияет на жанровую природу публицистики писателя. Анализ позволил выделить четыре основные функции автоцитирования: полемическая (стихотворная цитата становится репликой в диалоге); ретроспективная (В. И. Иванов фиксирует разрыв между прежними поэтическими предчувствиями и реальностью); сакральная (переход публицистики в молитву, введение прямого обращения к Богу); автокомментирующая (в «Автобиографическом письме» цитаты из поэмы «Младенчество» служат документальным подтверждением биографических фактов). Таким образом, в параграфе установлено, что включение стихов в публицистику не случайный приём, а важнейшая черта ивановского стиля, размывающая границу между поэзией и прозой.

ГЛАВА II. ОБРАЗ РЕВОЛЮЦИИ В ПОЭЗИИ В. И. ИВАНОВА

Вторая глава, посвященная поэзии, построена хронологически: от самых ранних стихотворений до послереволюционных.

Мы начинаем с самого раннего революционного цикла В. И. Иванова – «Парижские эпиграммы» (1891). Цикл представляет собой полемику с идеалами французской демократии. Поэт последовательно развенчивает представление о том, что провозглашённые революцией свобода, равенство и братство могут быть реализованы через внешние, формальные установления – законы, декларации, лозунги на стенах. Сопоставляя три народа («галл» выносит лозунги на храмы, «бритт» закрепляет их в законах, «мы» храним их «в сердцах» (Т.1., С.628.)), В. И. Иванов доказывает, что внешнее закрепление неизбежно ведёт к утрате живого смысла: за парадными лозунгами обнаруживаются кладбище («*Iura mortuorum*») и тюрьма («*Iura vivorum*»). Эпиграмма «*Qui pro quo*» («кто вместо кого»), изъятая цензурой, точно определяет суть: революция подменила истинного Царя – Христа – земными кумирами. Уже в раннем цикле В. И. Иванов формулирует главный тезис: подлинная свобода не даруется декретами, а живёт в глубине человеческого духа; её формальное закрепление ведёт к насилию и смерти.

Затем мы рассматриваем стихотворения В. И. Иванова, выразившие его предчувствие революционных событий 1905 года. Поэт использует жанр псалма и эсхатологическую символику: «хаос пылает», но «Тихая Воля» уже идёт. Революция осмысливается не как политический бунт, а как космическое событие – условие будущего преображения. Уже в этом раннем стихотворении заложена мифопоэтическая основа, которая позднее будет развёрнута в цикле «Година гнева».

В параграфе 2.3. исследуется непосредственный отклик поэта на первую русскую революцию, выраженный в цикле «Година гнева» (1904–1905). Цикл, посвящённый русско-японской войне и первой русской революции, строится на архаизации языка и обращении к античным музам, что подчёркивает мифологический масштаб событий. В центральном стихотворении «Тихая воля» В. И. Иванов рисует идеал революции как соборности: золотая волна пшеницы стирает «рубцы межей», земля уподобляется Богородице, а Равенство и Братство обретают подлинное религиозное звучание. Однако уже в этом цикле поэт предчувствует катастрофу: Астролог пророчествует о безумии, пляске на могилах и неразличении любви и гнева. Кульминацией сомнений становится стихотворение «Язвы гвоздиные», где христианские цвета (золотой, лазурный) сменяются бесовскими (красный, чёрный), а Сатана торжествует над поруганной Россией. Сквозной мотив огня («Огнем крестися, Русь!» (Т.2., С.252.)) и птицы Феникса указывает на то, что возрождение возможно только через веру и очищение страданием. В стихотворении «POPULUS-REX» В. И. Иванов призывает к отказу от мести («Насильникам отмстив забвеньем благородным» (Т.2., С.254.)), а в диалоге о царях утверждает, что они тоже заложники своего положения. Цикл завершается на трагической ноте: надежда на обновление остаётся, но она связана не с политикой, а с чудом и покаянием. Таким образом, «Година гнева» фиксирует разрыв между идеалом соборности и реальностью революционного хаоса, что станет лейтмотивом поэзии В. И. Иванова о революции.

Далее мы проанализировали стихотворения, созданные между первой русской революцией и Октябрем 1917 года. Было установлено, что поэзия 1906–1917 годов зафиксировала драматическую эволюцию – от веры в очистительную силу революционного хаоса до молитвы как единственного оставшегося действия.

Следующая часть нашей главы посвящена циклу «Песни смутного времени», который представляет собой прямой поэтический отклик В. И. Иванова на Октябрьскую революцию. Проведенный анализ показал, что революция воспринимается автором как национальная катастрофа. В. И. Иванов изображает её как бесовский притон, в котром интеллигенция («светлые гости») играет со смертью, а идеал «Власти Народа» оказывается поруганным. Образы «повапленных гробов» (евангельская метафора лицемерия) и весеннего половодья (потопа) предвещают наступление Страшного Суда. Цикл завершается молитвой Богородице. В «Песнях смутного времени» поэт окончательно переходит от политической рефлексии к апокалиптической символике, фиксируя катастрофу как кару Божию.

Завершают наш анализ поэзии стихотворения, написанные после Октябрьской революции. В них В. И. Иванов переходит от фиксации катастрофы к осмыслению её причин и к покаянию. В «Порочном круге» поэт подводит итог: «Всё ново; да тот же в нас норов» (Т.4., С.269.), утверждая, что внешние декорации меняются, но человеческая природа остаётся неизменной. В «Лазаре» Россия уподобляется четверодневному мертвецу, который может воскреснуть только чудом. В послании «Г. И. Чулкову» В. И. Иванов настаивает на том, что интеллигенция не должна перекладывать вину за случившееся на Бога, допустившего трагедию, а обязана принять ответственность на себя: «Да, сей костёр мы поджигали» (Т.4., С.81.)). Таким образом, в процессе анализа установлено, что размышления В. И. Иванова о природе революции завершается не политической программой, а суровым актом самосознания – покаянием как единственным возможным ответом на катастрофу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование показало, что публицистика и поэзия В. И. Иванова не существуют изолированно, а представляют собой два способа выражения единой религиозно-философской концепции революции. В обоих видах творчества он воспринимает революцию не как политический переворот, а как метафизическую катастрофу, обнажающую хаос. Идеалом общественного устройства для поэта является соборность, противопоставленная бездуховному легиону (Граду Земному).

Сопоставление текстов позволяет выделить несколько сквозных идей, одинаково проявляющихся и в публицистике, и в поэзии. Это, во-первых, дилемма выбора между путём мирского владычества и путём религиозного смирения. Во-вторых, убеждение, что преображение возможно только через страдание. В-третьих, ответственность интеллигенции за революционную катастрофу.

При единстве мировоззрения публицистика аналитична и доказательна, поэзия говорит языком символа и мифа, фиксирует сомнения и личные переживания. В. И. Иванов не был последовательным противником революции: он признавал её креативную силу, видел объективные предпосылки. Однако главным мерилом для него всегда оставалась вера. Революция, не приведшая к преображению народной души, стала в его глазах не спасением, а катастрофой. Единственную подлинную революцию он видел в движении от Града Земного к Граду Небесному, от легиона к соборности. Именно этот выбор – между революцией и Богом – он сделал окончательно, избрав Бога.